

ALEKSEEV Georgiy Valer'evich, *Cand.Sci. (Legal)*, Associate Professor; Associate Professor of the Chair of Legal Science, North-Western Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredniy Ave, V.O., St. Petersburg, Russia, 199178intlaw@szags.ru)

MOROZOV Grigory Nikitich, *Cand.Sci. (Legal)*, Executive Director of Charity Fund for Preservation of Saint Sergius of Radonezh Spiritual Heritage (16 Tverskoy Biv, Moscow, Russia, 125009; info@fondsr.com)

THE NATIONALIZATION OF THE POLITICAL CLASS AS AN INSTRUMENT OF PROVIDING STATE SECURITY

Abstract. Nationalization of the political class is a necessary condition to maintain the spirit of patriotism, cultural identity and ensure the national security. Terrorism, corruption and violent extremism as threats to national security are developing most actively in conditions of low legitimacy of the national political class. Overcoming of inequality and the level of social justice in modern Russian society determine the displacement of populism from mass consciousness and the raise of patriotism inside national political class.

Keywords: nationalization of elites, political class, security, patriotism, culture, identity, sustainable development, pluralism

ЧЕРНЯХОВСКАЯ Юлия Сергеевна – кандидат политических наук, заведующий сектором политической культуры НОЦ «Высшая школа политической культуры» Московского государственного института культуры (141406, Россия, Московская обл., г. Химки, Библиотечная ул., 7; julcher1@yandex.ru), ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева

СОВЕТСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФУТУРОЛОГИЯ И КЛАССИКА ФУТУРОЛОГИИ ЗАПАДНОЙ: ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПЕРЕЖЕНИЕ И ЗНАКОВЫЕ РАСХОЖДЕНИЯ

Аннотация. Принято отсчитывать западную футурологию, точнее, признание западной политической мыслью важности исследования будущего, со знаменитой книги Г. Кана и А. Винера (1968) «Двухтысячный год – база для размышлений о следующих тридцати трех годах». А потом были Белл, Флетчер, Тоффлер, доклады Римского клуба и многое другое. В статье показывается, что практически вся проблематика, ставшая объектом и предметом исследования классикой западной футурологической мысли в конце 1960-х – начале 1970-х гг., была не менее концептуально, а иногда и более последовательно рассмотрена таким жанром политической мысли, как советская научная фантастика, минимум на десятилетие раньше – в конце 1950-х – начале 60-х гг.

Ключевые слова: будущее, футурология, философия будущего, фантастика, прогнозы, постиндустриальное общество, прогресс, технооптимизм, технопессимизм, стресс, дезориентация, антропологический оптимизм

Весь XX в. мир стоял перед вызовами будущего, чтобы к его концу сначала устами Ф. Фукуямы провозгласить конец истории, а потом этими же устами к началу XXI в. от этого мрачного пророчества отречься и начать осознавать, что тогда, в 1960-е гг., когда стала рождаться входившая в моду западная футурология в ее и технооптимистическом, и в технопессимистическом вариантах, эта модная западная футурология уже примерно на 10 лет отставала в своих обращениях к проблемам будущего от прогностических прорывов советской художественной футурологии, успевшей в поисковых формах метафоры поставить и осмыс-

лить всю ту основную проблематику будущего, которую западные политологи начали только примерно с 1968 г. — с момента выхода знаменитого труда Г. Кана и А. Винера «Двухтысячный год — база для размышлений о следующих тридцати трех годах».

Интересно хронологическое совпадение выхода в свет в начале XXI в. двух крупных работ — Антологии современной классической прогностики под ред. И.В. Бестужева-Лады [Впереди — XXI век... 2000] и диалектически противостоящего ей «Глобального политического прогнозирования» А.С. Панарина [Панарин 2002].

И.В. Бестужев-Лада относит момент, когда будущее становится предметом серьезного научного исследования, к 1960-м гг. [Бестужев-Лада 2000: 10]. И в качестве «первого из авторов “футурологического бестселлера № 1”»¹ называет Г. Кана с книгой «Двухтысячный год — база для размышлений о следующих тридцати трех годах» (1967 г., в СССР издана под грифом ДСП в 1969 г.) [Кан, Винер 1969: 38-39].

Ее появление принято считать началом течения технооптимизма, вскоре сменившегося технопессимизмом, обозначенным «Шоком будущего» О. Тоффлера. В 1960–1970 гг. выходят и становятся известными труды и других западных футурологов [McHale 1969: 266-300; Flechtheim 1970: 311-397; Galtung 1980: 87-94; Янч 1974: 22-30]. О. Флехтгейм первым вводит термин «футурология», противопоставляя ее идеологии, по его мнению, оправдывающей существующий режим, и утопии — его отвергающей. Правда, следует отметить, что основные выводы О. Флехтгейма были опровергнуты Г. Маркузе еще в 1970 г. [Маркузе 2004; Marcuse 1970].

И.В. Бестужев-Лада пишет, что многие оптимистические прогнозы Г. Кана вызвали сомнения. Получалось, что мир XXI в. для большинства стран — мир середины XIX или даже XVIII в. [Мир нашего завтра... 2003: 30], а технооптимизм Г. Кана касался только США. Это отмечал и А.С. Панарин, констатировавший кризис данного направления прогнозирования: «Настоящее поражение модерна начинается тогда, когда он выступает как игра с нулевой суммой: если прогресс для одних оказывается регрессом для других, если порядок и хаос, цивилизованность и варварство, современность и архаика взаимно предполагают друг друга» [Панарин 2002: 200].

Однако нужно иметь в виду, что футурологическую модель Г. Кана и А. Винера вряд ли стоит оценивать как апологетику оптимизма. Авторы писали лишь о том, что для такого варианта будущего имеются «некоторые возможности, которые часто связывают с концепцией “постиндустриального” общества. Этот термин, введенный Дэниэлом Беллом, говорит о таких изменениях в будущем, которые могут быть не менее важными, чем вызванные индустриализацией в XVIII и начале XIX столетий» [Кан, Винер 1969: 67-68].

Хотя футурологические работы 1960–70-х гг. опирались на несравнимо более значимую научную базу, чем утопии прошлого, нет оснований утверждать, что они дали существенно более точные прогнозы. Большая часть упреков, адресованных утопиям, в значительной степени могут адресоваться и футурологическим доктринам.

Даже форма работ футурологов и утопистов сопоставима. При всех атрибутах научности «Года двухтысячного», переводчики были вынуждены предварить издание строками, уместными в начале фантастического романа: «Текст книги

¹ Несколько ранее выходили и другие работы по исследованию будущего: исследования «РЭНД Корпорейшн» и других исследовательских центров США по прогнозу ожидаемого состояния США и мира в целом после выполнения программы «Аполлон», Бертрана де Жувенеля («Искусство предположения», 1964), Ж. Фурастье («40000 часов: инвентаризация будущего», 1965) и ряд статей Д. Белла, к которым отсылают авторы «Года двухтысячного», используя его термин «постиндустриальное общество».

Г. Кана и А. Винера оставляет впечатление продиктованного на диктофон и плохо отредактированного авторами. Следствием этого являются неточные формулировки, повторы и другие шероховатости перевода. Редакторы не сочли возможным вносить свои изменения в текст и сохранили его, по возможности, близким к оригиналу» [Кан, Винер 1969: 3].

«Постиндустриальное общество в стандартном мире. Мы разберем большинство из этих пунктов, просто упомянув их или иногда высказав предположение об их значении, не пытаясь придерживаться какой-либо системы или дать исчерпывающий ответ» [Кан, Винер 1969: 383].

Авторы «Года двухтысячного» строили свои прогнозы на основании расчетов и анализа современных им тенденций в рамках признания принятого ими общего вектора развития как единственно возможного, тогда как автор «Глобального политического прогнозирования» имел возможность наблюдать и подводить итог тому, к чему привел данный вектор, но исходил из предположения о возможности и желательности поиска других параметров и цивилизационных оснований развития.

Если первое представляло собственно классическую футурологию, второе носило характер своего рода политической философии будущего.

Однако тенденции, обрисованные футурологами в конце 1960–1970-х гг., уже были описаны почти за десятилетие до этого в советской научно-фантастической литературе, в частности в произведениях А. и Б. Стругацких¹. Написанная в 1961 и изданная в 1962 г. книга «Возвращение (Полдень, XXII век)»² уже является развернутым описанием мира будущего – общественного устройства XXII в: освобождение человека с помощью техники от изнурительных видов труда, перенесение центра его деятельности на науку и производство новых технологий, включая перечисленные ранее черты «постиндустриального общества».

Причем в описанном ими обществе нет проблемы, чем занимаются 80% занятых в производстве людей, – они заняты в науке, искусстве, медицине и воспитании. Там нет проблемы недостатка материального потребления, но это не «общество потребления» и не «общество досуга» – это «общество познания».

В плане социально-философского прогнозирования в постановке проблем и предположений их разрешения они явно опережали поиски западных футурологов. Польский исследователь В. Койтох высказывал мнение, что «Возвращение» было лишь иллюстрацией принятой в 1961 г. 3-й Программы КПСС. Тогда нужно признать: данная Программа в плане научно-футурологического значения явно опережала и превосходила все последующие классические работы футурологов – Г. Кана, Д. Белла, О. Тоффлера и др. Впрочем, даты опровергают версию В. Койтоха: к 1961 г. книга А. и Б. Стругацких была написана и частично опубликована: в 1959 г. опубликованы главы «Скатерть-самобранка», «Десантники» и «Поражение», в 1960 – «Ночь на Марсе», «Почти такие же», «Глубокий поиск» и т.д. В центре концепции О. Тоффлера стоит феномен «шока от будущего», стресса и дезориентации, возникающих у человека, подверженного большому числу перемен, боязнь будущего, появлявшаяся у его современников [Тоффлер 2008: 34].

Однако тема недостаточности сугубо научно-технических решений про-

¹ В 1957 г. они заканчивают свою первую книгу «Страна багровых туч», повести «Путь на Амальтею» и «Стажеры» уже описывают общество, основанное на комплексной автоматизации, где люди освобождены от занятия изнуряющими видами труда, их поисковую деятельность обеспечивают сложные автоматы, увеличилось их свободное время, где главным становятся новые интересы и ориентация человека на поисковую деятельность. См.: Стругацкий А., Стругацкий Б. Страна багровых туч. *Собрание сочинений*. В 11 т. М. 2000–2003. Т. 1. С. 33–133; Путь на Амальтею. – *Указ. соч.* Т. 1. С. 547–629; Стажеры. – *Указ. соч.* Т. 2. С. 309–529.

² Стругацкий А., Стругацкий Б. 2000–2003. – *Указ. соч.* Т. 2. С. 5–309.

блем человечества начинает подниматься А. и Б. Стругацкими уже в середине 1960-х гг.

В работах этого времени они утверждают, что решение проблем материального изобилия не создает автоматически идеального, свободного человека, что без воспитания нового человека техника и наука окажутся обреченными служить всем старым устремлениям и порокам, что может привести к подчинению человека приобретающим все более извращенный характер примитивным потребностям, опуская человека до уровня животного.

Поднимают они и тему готовности или неготовности человека встретиться с будущим: о том, что он может искать его, мечтать о нем, но не узнать его, когда оно наступит, и испытать шок¹ от встречи с ним.

Эти примеры опережения позволяют выдвигать предположение об особых познавательных возможностях такой формы осмысления действительности, как художественно-политическое моделирование, т.е. создание модели политического устройства общества с помощью художественных средств — образов, метафор и т.д., особенно если учесть, что сама метафора в науке рассматривается как «неназванное сравнение» и латентно несет в себе начало компаративистики.

В этом отношении особый интерес представляет книга Б. де Жувенеля «Искусство предположения», фрагмент из которой был опубликован в упоминавшейся Антологии современной классической прогностики [Жувенель 2003]. Анализируя разные способы предсказания, такие как перенесение на будущее умозаключений, основанных на сегодняшнем опыте; пролонгация существующей тенденции; аналогия, основанная на перенесении в будущее закономерностей, выявленных в прошлом; «колея», предполагающая, что отстающие в своем развитии страны с неизбежностью и высокой степенью повторяемости проходят путь стран, их обогнавших; причинность, предполагающая, что одни и те же причины, приведшие к известным последствиям в прошлом, с неизбежностью приведут к тем же и в будущем; «априоризм» и «системность», он последовательно показывает расхождения сделанных в их рамках предсказаний с действительным ходом истории. И его выводом в значительной степени становится положение, вынесенное в название работы: исключительно рациональных оснований оказывается недостаточно для успешного предположения о будущем, которое становится возможным только именно при дополнении его «искусством предположения».

Возможно, это связано именно с тем, что основанные на измеряемых показателях прогнозы имеют смысл только применительно к определенным ситуациям, тогда как применительно к будущему никто не может поручиться, что обстоятельства окажутся именно такими, а не иными. Тот же де Жувенель отмечает, что любые однозначные утверждения, отнесенные к будущему, в принципе оказываются по ту сторону правды и лжи. Применительно к конструированию будущего ученый оказывается в ситуации, описанной Ортегой-и-Гассетом: использование метафоры, т.е. художественного приема, дополняющего научное знание, оказывается более эффективным, чем строго рациональное логическое построение.

Возможно, именно поэтому советская научная фантастика 1950–1960-х гг., использующая приемы художественного моделирования, но в исходных посылах по определению не выходящая за рамки имевшихся научных данных, оказалась способной к опережающему по сравнению с западной футурологией осмыслению социальных и политических проблем будущего.

¹ Тема шока от встречи с будущим поднята ими в 1965 г. в повести «Улитка на склоне».

Список литературы

Бестужев-Лада И.В. 2000. Обязательное предисловие. — *Впереди — XXI век: перспективы, прогнозы, футурологии*: антология современной классической прогностики (под ред. И.В. Бестужева-Лада). М.: Academia. С. 6-23.

Впереди — XXI век: перспективы, прогнозы, футурологии: антология современной классической прогностики (под ред. И.В. Бестужева-Лада). М.: Academia.

Жувенель Б., де. Искусство предположения. — *Впереди — XXI век: перспективы, прогнозы, футурологии* (под ред. И.В. Бестужева-Лада). М.: Academia. С. 102-128.

Кан Г., Винер А. 1969. *Двухтысячный год — база для размышлений о следующих тридцати трех годах*. М.: ВНИЦИ. 867 с.

Маркузе Г. 2004. Конец утопии. — *Логос*. № 6(45). С. 18-23.

Мир нашего завтра: антология современной классической прогностики (под ред. И.В. Бестужева-Лада). 2003. М.: Эксмо. 512 с.

Панарин А.С. 2002. *Глобальное политическое прогнозирование*. М.: Алгоритм. 352 с.

Тоффлер Э. 2008. *Шок будущего*. М.: АСТ. 560 с.

Янч Э. 1974. *Прогнозирование научно-технического прогресса*. 2-е изд. М.: Прогресс. 586 с.

Flechtheim O.K. 1970. *Futurologie: Der Kampf um Die Zukunft*. Köln.

Galtung J. 1980. *The True Worlds: Transnational Perspective*. N.Y.: Free Press.

Marcuse H. 1970. Five Lectures. — *Psychoanalysis, Politics and Utopia*. Boston: Beacon Press. P. 62-69.

McHale J. 1969. *The Future of the Future*. N.Y.: George Braziller.

CHERNYAKHOVSKAYA Juliya Sergeevna, Cand.Sci. (Pol.Sci.), Head of the Sector of Political Culture, Higher School of Political Culture, Moscow State Institute of Culture (7 Bibliotechnaya St, Khimki, Moscow region, Russia, 141406; julcher1@yandex.ru); Leading Researcher, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

SOVIET ART FUTUROLOGY AND THE CLASSIC OF WESTERN FUTUROLOGY: HISTORICAL ADVANCE AND SYMBOLIC DIFFERENCES

Abstract. The famous book by G. Kahn and A. Wiener «The Year 2000: A Framework for Speculation on the Next Thirty-three Years», published in 1968, is considered to be the foundation of Western futurology. Specifically, it was the recognition by Western political thought of the importance of future studies. Then there was Bell, Fletcher, Toffler, reports of the Club of Rome and much more ones. The article shows that almost all the problems, which became the object and subject of research for the classics of futurist Western thoughts in the late 1960s and early 1970s, had been at least conceptually, and sometimes more consistently considered by such a genre of political thought as the Soviet science fiction at least a decade earlier, in the late 1950s – early 1960s.

Keywords: future, futurology, philosophy of future, fantasy, predictions, postindustrial society, progress, techno-optimism, techno-pessimism, stress, disorientation, anthropological optimism